

МИННУЛЛИНА ЭЛИНА БОРИСОВНА

СУЩНОСТЬ ОБЪЕКТА КАК ЦЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Специальность **09.00.11** - Социальная философия

09.00.01 - Онтология и теория познания

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Казань - 2003

Диссертация выполнена на кафедре теоретических основ коммуникации
Казанского государственного энергетического университета.

Научный **руководитель:**

доктор философских наук, профессор

Тайсина Э. А.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор

Фатхуллин Н. С.

доктор философских наук, профессор

Шестаков А. А.

Ведущая **организация:**

Казанский государственный педагогический университет

Защита состоится «3» июня 2003 г. в 14 часов на заседании
диссертационного Совета Д212.081.16 при Казанском государственном
университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени Н.И.
Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «25» мая 2003 г.

Ученый секретарь

диссертационного **совета,**

кандидат философских наук, доцент

Гизатова Г. К.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Истинное знание сущности — это цель научно-теоретического познания. Для любой науки, естественной или гуманитарной (лингвистики, например), вопрос о сущности не стоит, поскольку изначально наука исходит из принципа познаваемости объекта из него самого. Только философия, наука о предельных основаниях бытия, ставит вопрос о принципиальной познаваемости мира, и для неё сущность является объектом созерцания.

В позитивистской парадигме постановка этого вопроса звучит старомодно, неактуально. Парадоксально сближаются с ней господствовавшие в последние десятилетия XX века антисциентистские течения (экзистенциализм, постмодернизм), аксиомой которых является провозглашение непроницаемости щита **культуры**, помещённого между субъектом и объектом, и, следовательно, отказ от всех абсолютов. Но этот факт и заставляет в настоящее время говорить о перспективе возвращения метафизических проблем в философский дискурс. Диалектически связывая видимое в будущем развитие мысли с настоящим, действительным, следует выделить комплекс проблем, делающий опыт подобной работы актуальным.

Вследствие того, что постклассический тип мышления характеризуется критическим отношением к метафизическим системам и отличающим их универалистским конструкциям, современная наука столкнулась с отсутствием прочной теоретической основы. Этот факт осложняется противостоянием методологий «наук о природе» и «наук о культуре».

Работа призвана обосновать роль категории сущности в научном познании, пересмотреть её социально-философские характеристики, с тем, чтобы избежать в теоретико-познавательной практике крайностей неореализма с его претензией на абсолютно истинную единую модель действительности и неоминализма с его множеством сингулярных дискурсивных порядков.

Сущность — это **онто-гносеологическая** категория, но её анализ невозможен без интеграции социальных факторов: коммуникации, языка и **праксиса**. В социальном контексте аналитической философии гносеологическая проблематика претерпевает ряд значительных проработок. Связь субъекта и объекта осуществляется посредством языка. «Я» совпадает с коммуникативным сообществом, которое подтверждает смысловую значимость постигаемых объектов. Предпосылки познания сущности, возможности интеллектуального «выхода» к объекту носят социальный характер. Прагматика измеряет познание с учётом факторов человеческой деятельности. В абстрактной модели познания

мысль **субъекта**, вырванного из сплетения общественных связей, будет обладать лишь потенциальным существованием.

Данная позиция позволяет преодолеть односторонность феноменологического **подхода**, в котором очевиден отказ от реального социального содержания предмета познания. С другой стороны, признание полной зависимости смыслов познаваемых вещей от конкретно-социальных ситуаций приводит позицию исследователя к релятивизму. Интеграция категорий гегелевской диалектики в современный философский дискурс представляется выходом из данного тупика

Степень разработанности проблемы. Сущность по определению является объектом философского познания, поэтому будет излишним подчёркивать значимость классической традиции в решении данного вопроса (**Парменид**, Платон, Аристотель, **Дунс Скот**, Декарт, Лейбниц, Кант, Гегель). Важно отметить, тем не менее, что в фундаментальных системах объективного идеализма решение проблемы сущности не является ни согласованным, ни раз навсегда данным. У Аристотеля сущность - это субъект суждения, субстанция, не сказывающаяся ни о чём, а Гегель не столько ставит этот вопрос, сколько сразу даёт на него однозначный ответ: абсолютная идея.

Согласно субъективно-идеалистическим принципам (кантианство), всеобщность и необходимость характеризуют собственную природу разума, поэтому они не могут относиться к чувственному опыту и отражать закономерностей объективного мира.

Гегелевская диалектика послужила методологической базой исторического материализма (Ф.Энгельс, К.Маркс). В данном ключе сущность рассматривается как отношение, а основной её характеристикой выступает деятельность. Этот диалектический принцип принимается в данной работе в качестве основания социального познания. Социальная линия материалистической концепции оказала значительное влияние на формирование современной философии. Особый интерес для исследования представляют работы Ю.Хабермаса, Г.Маркузе, П.Бурдье, Ж.Делёза, Ф.Гваттари.

Новейшая философия **экзистировует** как критика классических принципов философии. Диалектически понимая этот феномен, можно **сказать**, что такое отрицание есть новая ступень её развития. По крайней мере, прочерчиваются две линии, по которым следует мысль, и строятся современные методологии: метафизическая (кантианская) и диалектическая (гегелевская). Очевидны попытки преодолеть недостатки и применить достоинства названных систем. На фоне многоголосия философии XX века **видны** перекрещивания этих

традиций, растворение границ между разными направлениями и взаимное их вхождение. Однако данная тематика заслуживает отдельной проработки.

Позитивизм быстро потерял ориентиры, поскольку его редукционизм сущности к фактам был неприемлем. Унаследовавший от него критическое отношение к метафизике и наличию социально-культурного компонента неопозитивизм подменил проблему сущности проблемой осмысленности и проверяемости высказываний (логическая семантика Г.Фреге, Б.Рассела и логический синтаксис Ч.Морриса).

Метафизический реализм присущ работам феноменологической традиции: Э. Гуссерль, Р. Ингарден, Г. Мюллер; неореализма (интернализма) - Х. Патнем, Я. Хинтиikka, С. Крипке. Такой семантический подход отличается гипостазированием мира сущностей - мира вечных неизменных, чистых значений, не изменяющихся в потоке исторического языка.

Номиналистические, релятивистские тенденции, в которых прагматические характеристики смысла доведены до крайности, проявляются в аналитической философии У. Куайна, Р. Карнапа, Л. Витгенштейна. Существует не бесчисленное множество индивидуальных, не схожих друг с другом вещей, но множество индивидуальных, имеющих видовые общие признаки. Иначе мир состоял бы из множества элементов, для которых требовалась бы означаивающая система, суть которой заключается в однократном назывании всех элементов бытия.

Господствующей в западноевропейском мировоззрении эмпирической и номиналистической парадигме свойственна партикулярность в построении научных теорий.

Трансцендентализм одновременно со структуриализмом и аналитической философией в разных своих проявлениях прозвучали как отказ от поиска сущности. С другой стороны, онтология Хайдеггера и герменевтика Гадамера являются классическими примерами методологического эссенциализма. Среди критиков гадамеровской герменевтики много выдающихся философов, в том числе Ж. Деррида, Ю. Хабермас, К.-О. Апель, П. Уинч, основные возражения которых сводятся к тому, что в анализе языка им не учитывается идеологическая составляющая.

В попытке объединить прагматику и семантику в рамках коммуникативного подхода к языку К.-О. Апель полагает познание объекта в качестве intersubjectивной деятельности.

В отечественной философии в целом отсутствует серьёзная разработка социально-философских аспектов сущности. Наряду с этим, нельзя не указать на ряд работ, которые послужили методологической опорой настоящего исследования: это труды Э.В. Ильенкова, А.И. Умова, И.С. Нарского, Л.А.

Микешиной, других крупных гносеологов. Однако, во-первых, в этих трудах не связывалась гносеология с социальной философией в плане исследования сущности как исчерпывающей цели познания, и во-вторых, современные им западные работы, не стесненные идеологически, ушли, как кажется, дальше по избранному пути.

Объектом диссертационного исследования является категория сущности в её теоретико-философском осмыслении, предметом её социальные детерминанты.

Цель и задачи исследования. В диссертации ставится следующая цель: определение места и роли категории сущности в современном философском дискурсе. Её достижению служит решение следующих **задач**:

1. Интеграция социально-философской проблематики в характеристику сущности путём объединения классической диалектической методологии с новейшими прагматическими и герменевтическими практиками.
2. Экспликация содержания категории сущности, детерминация её связи с философскими категориями бытия (социального), существования, знания.
3. Анализ экстенционального понимания сущности как субстанции и интенционального как понятия, смысла, значения в контексте социальных форм.
4. Разграничение «методологического коллективизма» и «методологического индивидуализма» в постановке проблемы **интегративного** субъекта общественного познания с использованием теории коммуникативного сообщества в решение вопроса о сущности.
5. **Классификация** системы потребностей, целей и интересов действующего субъекта как соотношения социальных событий и форм.

Методологические и теоретические основы исследования. Методологическую основу диссертации составили диалектические принципы всеобщей связи и развития, принцип восхождения от абстрактного к конкретному, теоретико-познавательные принципы конкретности истины, диалектического единства логического и исторического, чувственного и рационального, субъекта и объекта.

Кроме этих фундаментальных принципов, в диссертации учтены феноменологический и герменевтический подходы, поскольку автор осознает, что вне этих методик освещение философской мысли XX в. было бы неадекватным.

Наряду с этим, диссертант руководствуется идеей объединения прагматического и семантического аспекта в анализе философских категорий. Разработка социально-философской проблематики поддерживается новейшими социалингвистическими исследованиями.

Основным методом настоящей работы является генерализация. Фундаментальные классические труды мировой философии составили теоретическую базу диссертации.

Научная новизна и основные результаты исследования, выносимые на защиту:

1. Сущность в наиболее развитом, предельном состоянии есть смысл предмета, его присвоенность сознанию, опосредование, познание объекта в *конкретном* единстве многообразия проявлений его свойств. Социальный, интересубъективный характер этого опосредования раскрывается в перспективе включения в проблематику смысла аналитической философии прагматики языковых игр и понимания. Глубине сущности соответствует глубокая потребность в соглашении.

2. В отличие от физических сущностей, познаваемых естественными науками путём подведения опытных данных как частных случаев под общие системы, а также от сущностного единства значений, которое устанавливается в условиях обыденной коммуникации, осуществляемой с целью взаимодействия, сущность социальная должна постигаться подлинно новым (не аналитическим, но синтетическим) «открытием» феномена в диалогической встрече, пробуждающей восприятие смысла.

3. Цель познания сущности социальных форм заключается в разрешении противоречия между предпониманием и пониманием смысла. Историческое понимание, сводимое к зависимости познаваемого содержания от существующей формы жизни, абстрактно в отрыве от действительности исторического диалога. К выходу из этого тупика ведет практическое применение диалектики формы и содержания. Общество, связанное континуальным образом, осуществляет конкретно-исторический диалог.

4. Субъект *формируется* в его отношении к бытию и в коммуникации. Принципом познания сущности материальных вещей и идеальных социальных норм является не предпосылка существования субъекта как границы явлений, а конкретное общество. Сущность мира, его структура, разворачивается в языке, в понимании языка. Рефлексирующий на уровне значений обыденного языка человек расширяет сферу эмпирического и рационального опыта.

Научно-практическая значимость диссертации заключается в генерализации результатов различных философских и научных исследований. **Философско-теоретический** характер работы позволяет использовать её в общеобразовательной практике, развиваемые диссертантом положения включены в практику преподавания общего курса философии.

Междисциплинарный характер исследования позволил применить его более широко. Рассмотренные прагматические, языковые и коммуникативные вопросы получили теоретико-методологическое внедрение в разработке спецкурсов «Теория коммуникации», «Языковые отношения и языковая политика», «Психология делового общения», которые читаются на инженерно-экономическом факультете Казанского государственного энергетического университета.

Апробация результатов исследования. Существенные аспекты содержания настоящей работы изложены в 11 публикациях автора и апробированы в ряде выступлений на международных, российских, межвузовских конференциях, симпозиумах, республиканских формах и магистерско-аспирантских семинарах.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав (в первой четыре параграфа, вторая содержит пять параграфов) и заключения. Библиография включает 240 наименований, в том числе 32 публикации на иностранном языке.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, характеризуется степень теоретической разработанности проблемы, формулируется цель и основные задачи работы, определяется новизна, обосновывается структура исследования.

В первой главе «Методологический индивидуализм в постановке и решении проблемы субъект-субстанции: созерцание сущности» рассматриваются принципы методологического **индивидуализма**, присущего концепциям Античности, Средневековья и Нового времени вплоть до философии Гегеля. В главе четыре параграфа: § 1 «Сущность и бытие»; § 2 «Логическое определение сущности»; § 3 «Проблема сущности и существования»; § 4 «Понятие субстанции: от основания к знанию».

В традиционной философской систематике всеобщие определения и универсалии рассматривались сквозь призму гносеологии и формальной логики, вне понятий о личности и обществе, и соизмерялись только с общими философскими координатами. Особенно явно это выражено в системах

Античности, Средневековья и Нового времени. «Сверхисторичность» и «сверхчеловечность» философских концепций обусловили господство антиисторического, созерцательного отношения к познаваемому объекту. Вследствие этого экспликация социально-философских феноменов происходила *вне учёта культурно-исторической природы* мировоззренческого знания. Возник своеобразный исследовательский подход, именуемый методологическим индивидуализмом. В рамках этого подхода в качестве гносеологического субъекта выступало *единичное сознание*; соответственно, *интегративным* субъектом общественной жизни являлся *отдельный индивид*. Познание рассматривалось вне практического бытия людей, а жизнь и когнитивные процессы выступали в качестве принципиально различных сфер. В *широком смысле* познание в принципе социально; оно есть процесс, в который входят *все* многообразные аспекты человеческой деятельности, а его субъектом является *сообщество*, представители которого включены в практику общественных отношений. В *узком смысле* под социальным познанием принято считать познание сугубо социальных феноменов. На наш взгляд, такое определение открыто для полемики, но само по себе введение двух значений обсуждаемого термина вполне плодотворно. Более широкий, и, с нашей точки зрения, более универсальный метод позволяет рассматривать абстракцию «познания вообще» в качестве построения общегносеологической основы *практической* философской концепции социального познания.

Созерцательный характер античной мысли, понимание субъекта и объекта как абстрактного *тождества*, в котором отсутствует комплекс социальных взаимодействий, не позволили усмотреть за противоречием вечного, истинного, объективно существующего мира единого и *исчезающей*, становящейся чувственной множественности диалектику бытия и познания. Соответственно истина понималась не как *процесс*: знание истинной сущности представляло собой нечто законченное, не зависящее от социально-исторического развития. Наряду с подобного рода метафизическими положениями, античная философия заключала в себе глубокие диалектические смыслы.

Так, с одной стороны, бытие и небытие противопоставлялись друг другу как действительность и видимость, сущность и явление. Единое как тождество бытия и мысли о нём исключало из себя материю, и сущность мыслилась как *самостоятельное бытие*. (Метафизический испуг древних мыслителей перед материальным миром объясним социально-историческими условиями, отсутствием естественнонаучных знаний.) Кроме того, непосредственность в отношении бытия и мышления, присущая греческой метафизике, обусловили натурфилософское сведение сути к первоначалу, *обособленному* от вещей.

Диалектический подход к познанию реальности предполагает невозможность существования наряду с бытием того, что явилось **началом**, поскольку оно снимается последующими уровнями развития.

С другой стороны, греки понимали, что смысл вещи не дан непосредственно, поэтому стремились найти основание сущего. Действительно, познание заключено в усмотрении общего закона в единичном феномене бытия, а поиск умопостигаемых сущностей, недоступных органам чувств, - в *опосредовании*. Если заменить термины бытие и причина соответствовавшим им в греческой философии синонимом, оказывается, что субъект стремится познать сущность сущности. Познание следует этому принципу, переходя от сущности первого порядка к её глубинным слоям.

Обращение взгляда к *познающему* субъекту влечёт за собой осмысление опосредования, раскрывающих характер сущности: бытие и становление, единое и **многое**, тождество и различие, целое и часть, абстрактное и конкретное, интеллигибельное и чувственное (соответственно, знание и мнение). В этом смысле платоновская система по сравнению с аристотелевской является более фундаментальной и имеет даже большее значение для развития европейской мысли.

В противоречивой платоновской теории идей имеют место утверждения, опровергнуть которые не решаются даже представители номиналистской аналитической философии. Прежде всего, это касается того, что язык состоит не только из имён собственных, в нём имеются общие понятия, применимые к классам вещей. Проблема заключается в понимании того, каким образом они могут иметь значения, если в реальности существуют только отдельные вещи. Однако философ не может объяснить различие между отдельными предметами и универсалиями в обход бытия. У Платона общие понятия - это не предикаты вещей, существующие только как их свойства, но вид, способ, образ, смысловая модель вещи. Он считает, что существует красота сама по себе, что универсалия «человек» — это имя образцового человека. Идея есть сущность чувственных вещей, *ousia*, их фундаментальное основание, она есть «что» вещей. Рассуждая таким образом, «Платон совершает ошибку, аналогичную тому, как если бы он сказал «смертный смертен»¹. Говоря «Сократ смертен», Платон имеет ввиду некое реально существующее смертное, предмет мысли. Следовательно, понятие смертный должно подлежать определению, выступать в качестве грамматического и логического субъекта.

Вопрос о возможности познания сущности имеет двоякую интенцию: во-первых, отношение сущности к познающему субъекту, во-вторых, её связь с чувственным миром. Если это взаимодействие имеет место, то идея не может быть самotoждественной, неделимой и неизменной. В противном случае

¹ Рассел Б. История западной философии: В 3 кн. / пер. с англ. - СПб.: Азбука, 2001, с.175

чувственный мир окажется непричастным ей, и сама она станет недоступной познанию. Единое отлично от бытия не потому, что оно единое, а потому, что оно выступает в системе "единое бытие", или "**бытийствующее** единое", т.е. в силу соединения с бытием как с чем-то *иным*, нежели само единое. Следовательно, единое может оставаться единым только при условии, что его не существует. Если же оно существует, то оно - многое.

Проблему соотношения **единичного** и единого попытался разрешить Аристотель. Однако мысль о том, что формы являются субстанциями, существующими независимо от материи, в которой они проявляются, делает уязвимой его позицию по отношению к его же собственной критике платоновских идей. В названных философских системах сущность и явление не имеют основания для их единства. Существенность явления будет рассматриваться только Гегелем.

Обращение к рефлектирующему «Я» явилось решающим событием в ретроспективе проблемы социального познания. Несмотря на многообразие типов объяснения бытия, на различие материалистических и идеалистических учений, на попытки диалектически осмыслить противоречивую сущность мира, все социальные концепции (вплоть до Гегеля) объединял *идеалистический* подход к пониманию *общества и истории*, в которой в отличие от неистинного чувственного мира становления действуют *личности*. При этом разум (иногда воля) выступал в качестве причины социальных изменений. Такова мысль Платона о том, что в основу общественного порядка положен разум и идеи о благе. Античный идеальный образ человека, характеризующегося исключительно гражданскими качествами, не зависел от социально-исторического развития. Осознавая, что общественно-политическая жизнь не есть природа в непосредственном смысле, древние философы не разграничивали в человеке природного и социального начал.

В греческой философии ещё не сложилось понимание комплекса социальных взаимодействий и связей в их единстве с материальной реальностью. Государство, отождествлявшееся с обществом, рассматривалось не как институт политической системы, но как идеальный тип общежития, земное воплощение которого проявлялось в несовершенных формах правления. Натуральное и социальное в античных концепциях сущности не связывались, но созерцались как самостоятельные, самобытные части универсума. Речь идёт не о трактовке общественного в качестве абстрагированной от бытия субъективной или объективной реальности, но о метафизическом способе разделения бытия на мир чувственных вещей и логических форм.

Понимание принципа различения логических форм взаимосвязано с проблемой соотношения рода и вида. Сущностью по праву можно назвать только аристотелевскую первичную сущность, поскольку она, являясь

субстанциальным существованием, отдельным бытием, выступает условием остальных высших родов бытия. В этом смысле первичная сущность, или субстанция, независимое, единичное бытие вещи только определяется посредством категорий, но сама по себе не есть категория. Кроме того, факт изолированного рассмотрения категорий и логических законов приводит Стагирита к неоднозначному их пониманию и отрыву учения о категориях от логических и онтологических воззрений. С одной стороны, эти категории нельзя свести к единому основанию. С другой стороны, относительно любого из предикатов можно задать вопрос «кто или что обладает им?», и ответ на этот вопрос заключается не в ряде предикатов, а в ряде субъектов или носителей этих предикатов, в индивидуальных субстанциях. Если принять такое расширение, то слово «категория» означает уже не просто «тип предиката», а «тип термина», где под «термином» понимается самостоятельная в смысловом отношении часть единичного высказывания. Тогда Аристотель неправомерно поместил то, что сказывается, в один ряд с тем, о чём сказывается.

По природе единичная сущность первична как самобытность. Однако гносеологически она не является сущностью в собственном философском смысле, так как не даёт глубинного понимания вещи как таковой. Познание предмета приводит к его качественному определению, содержащемуся в общем понятии. Следовательно, Аристотель, называя первичную и вторичную сущность, обрисовывает контуры онтологического и гносеологического её понимания, причём предмет того и другого не совпадает. Чем ближе в гармоническом ряду логическое определение находится к единому, тем ближе, соответственно, оно может находиться к единичному. Именно в этом теоретическом смысле Стагирит говорил о первичности общих понятий для познания.

Как диалектическое противоречие сущность с одной стороны — это то, что делает вещь тем, что она есть, *quiditas* (чтойность), единое, с другой стороны — то, чем материя становится — *haecceitas* (тойность), единичное. Таким образом, онтологически сущность определяется не так, как гносеологически: в первом случае переход от одного ко множому есть диалектический скачок, во втором случае — нечто подобное **мёбиальности**, перекрещивания рода и единичной сущности. Единое онтологическое есть повторяемость субстанциальных свойств в вещи, одно и то же, идентичность, во многом. В мышлении род — это мысль, смысл, выведенный из субстанциального сходства множества несхожих видов. Следовательно, единое онтологическое, в котором одно противопоставляется множому, представлено сущностью первого порядка (именем), а единое гносеологическое с оппозицией всеобщего и единичного есть род, сущность второго порядка.

Подводя итог всему вышесказанному, можно утверждать, что в древнегреческой метафизике сущность выступает как *непосредственное, самостоятельное, действительное бытие, определяемое в понятии*. Такая позиция созерцания принципиально отлична от гегелевского рассмотрения сущности в рефлексии, как диалектического отношения.

Сущность проявляется в единичных вещах. Наряду с этим нельзя говорить о полном соответствии существования и сущности (таково понимание индивидуации у Дунса Скота). В противном случае не учитывается наличие связей, опосредования и закономерностей материальной субстанции. С другой стороны, неприемлемо и метафизическое единство, в котором нет подвижности и изменения. В конечном счёте, сущностью оно быть не может, поскольку исключает различия отдельного, индивидуального и неповторимого. Сущность вне существования есть лишь формальная абстракция. Вещь обретает существование только в силу разрешения противоречий, перешедших в основание, в сущность.

Подобный отрыв сущности от явления характеризует и философию Нового времени. Метафизический эмпиризм, качественное понимание сущности которого послужит методологической базой позитивизма (можно сказать, *как* вещь проявляет себя, но не *что* она есть), не учитывает того, что не качество является основной онтологической характеристикой объектов, но *деятельность*. Изменение есть способ существования, следующий за другим способом существования предмета. Отсюда вытекает положение, что только *постоянное* (субстанция) *изменяется*. Отношение способов существования предмета составляет существенную характеристику социальной реальности. С другой стороны, субстанция социального бытия не может существовать прежде своих особенных состояний, богатства содержания, конкретно-исторических изменений. Парадокс философского познания заключается в том, что ступени познания, постепенного проникновения разума в сферы универсума, основанного на эмпирическом синтезе и социальной практике, начинают им рассматриваться как априорно данные истины, как знание непосредственное. Отличие метафизического от диалектического подхода к изучению познания заключается в том, что в первом случае человеческому разуму предпосылается знание, содержание которого не зависит от опыта и предшествует ему.

Диалектический подход к процессу социального познания основывается на предпосылке единства бытия и мышления. В обнаружении истинного знания философия становится процессом раскрытия сущности бытия в определениях мышления. Следовательно, непосредственное знание есть результат опосредования: содержание представлений синтезируется посредством всеобщих понятий, являющихся результатом общественного развития и

закрепленных в системе языка. Методология рассмотрения сущности как диалектического отношения является основанием социального познания.

Сознание в процессуально-историческом и логическом аспекте носит общественный характер, выраженный в совместном освоении индивидами действительности, **со-осмыслении**, взаимопонимании и взаимодействии. Субъектом познания является не абстрактный единичный **разум**, но конкретный общественный индивид как участник коммуникативного сообщества. Этой проблеме посвящена вторая глава диссертации «Методологический коллективизм в постановке и решении проблемы субъект-субстанции: деятельность как субстанциальная основа общественной жизни». Глава состоит из пяти параграфов: § 1 «Методология социального познания: сущность как диалектическое отношение»; § 2 «Прагматический аспект дилеммы объяснения и понимания»; § 3 «Язык и коммуникация как социальные основания познания сущности»; § 4 «Социальная динамика существенного» § 5 «Проблема сущности социальных форм».

Сущность - это *динамическое единство*, диалектическое отношение, различие и внутреннее тождество многообразного. Так, сущностной характеристикой социального бытия являются *общественные отношения*. Предпосылкой деятельности сознания выступает, во-первых, видение себя в *других* «Я», во-вторых, способность индивида деятельностно утвердить себя в создаваемых *предметах* и ценностях культуры - материальной и духовной. Следовательно, индивидуальное сознание рассматривается не просто в связи с познанием *объекта*, но в связи с *социальными системами деятельности*.

Сущностное единство - это *конкретное* единство, его выявление не означает сведения к какому-либо основанию в духе гегелевского абсолюта или трансцендентального языкового субъекта.

В главе выяснено, что позитивизм и так называемые метафизические классические системы объединяет принцип *объяснения* сущего из другого сущего, а это всегда грозит редуцированием бесконечных вариаций, стиранием их индивидуальности. При анализе данной проблемы, автор столкнулся с противоречием: неопозитивизм, отказываясь от поиска сущности реального мира и ограничиваясь его качественной **явленностью**, так или иначе, обращается к языковому единству. Позитивистскому принципу редукции содержания мира к фактам можно противопоставить положение, что всё *понимаемое* в картине непосредственно данного в ощущении уже является содержанием мира и языка, поскольку он является тем социальным, реально **внутримирно** сущим, которое "высвечивает" смысловую структуру мира. В этой связи бытие не редуцируемо к сущему, мир не сводится к совокупности происходящего внутри него, а сущность не сводится к фактам и качеству.

В дихотомии «обыденность - научность» заключён вопрос о том, можно ли считать познание человека в повседневном обращении с миром сущностным, является ли научность необходимым признаком существенного. Науки о человеке, в немецкой традиции называемые «*Geistwissenschaften*» (о духе), непосредственно связаны с пониманием этого феномена. В XX веке методологическая и предметная полемика сциентизма и антисциентизма и развернулась на фоне многообразных исследований в этой области.

Обыденное сознание и знание в парадигме классической гносеологии не связывались с какой-то отдельной сферой деятельности и заключали в себе представления, присущие всем людям в равной мере. Конкретный же анализ обыденного познания должен быть направлен на уточнение его образа, на рассмотрение его в исторически и социально конкретных формах, меняющихся от эпохи к эпохе. Оно нагружено научными данными, нравственными и эстетическими нормами и идеалами, религиозными верованиями, которые транслируются и культивируются в данной культуре, обусловлено различными производственными и политическими практиками, в которых участвует субъект.

Познание социально-исторических феноменов и физической природы следует дифференцировать. Методы естествознания не могут распространяться на другие области исследования. В этой связи антисциентизм не приемлет основного положения позитивизма, заключающегося в том, что точные естественные науки, в частности, математическая физика, дают методологический идеал или стандарт, по которому измеряется степень развития и совершенства всех других наук, включая гуманитарные. Наконец, особого внимания заслуживает полемика герменевтики и неопозитивизма по вопросу о применимости операций понимания и объяснения к научному познанию. Научное объяснение является, в широком смысле, "каузальным". Более точно, оно заключается в подведении индивидуальных случаев под гипотетические общие законы природы, включая "природу человека", при этом сущности общественной реальности неправомерно сводятся к психическим. **Финалистские** объяснения, т.е. попытки трактовать факты в терминах намерений, целей, стремлений, либо отвергаются как ненаучные, либо делается попытка показать, что их можно преобразовать в каузальные, если должным образом очистить от экзистенциальных элементов.

Философский анализ некритической, наивной установки сознания предпринимался как представителями экзистенциализма и феноменологии, так и социологии, например, в социальной феноменологии Шюца. Обыденное сознание принимает на веру природный и социальный мир как само собой

разумеющееся, оно ограничивается фактичностью, но это, конечно, не методологическая позитивистская редукция сущности к фактам. Как и донаучное, научное мышление не исключает, но включает в себя эту непосредственную фактичность, тем более что учёный в повседневности обращается от специализированной области знания к неспециализированному восприятию мира. Если в целях обнаружения чистых сущностей эта естественная установка исключается из феноменологического анализа в духе **гуссерлевской** редукции, то исключается и сама сфера наличного, в понимании которой раскрывается структура бытия. «Единственный мир точного естествознания, ставший чем-то само собой разумеющимся, заслонял взгляд на раскрытый в родном языке жизненный мир».²

В этом смысле переход от элементарных форм понимания к высшим основан на том, что понимание исходит из связи между многообразием проявлений жизни и сознательным **началом**, выраженным в ней. **Интенционалистский**, или семантический, аспект понимания играет ведущую роль в нефизических науках. Включение в понятия общественных наук компонента **интенционального** освоения социальной действительности необходимо, поскольку человек формирует и практически изменяет эту действительность. Необходимо подчеркнуть, что науки о духе имеют совершенно другой познавательный интерес, когда речь идёт о понимании человеческих мотивов. Он заключается в понимании целеполагания как раскрытия будущей *возможности* человека. Этот особый философский интерес к человеческим интенциям отличен от интереса естественных наук к фактам. **Целеполагание** предшествующих поколений продолжает сохраняться в качестве возможностей человеческих поступков. Следовательно, сначала необходимо **понять**, что видит человек или общество в качестве цели, а потом **объяснить**, как связаны с этим содержанием **деятельностные** факторы.

В трансформации философии сознания в сторону философии языка и в движении от семантики к прагматике аналитическая философия и герменевтика сближаются. Основные тезисы неопозитивистской семантики о критериях осмысленности и проверяемости высказываний постепенно меняют звучание, поскольку формулируются в терминах единого интересубъективного языка науки. Главный тезис «Трактата» Витгенштейна заключается в том, что в утверждениях о смысле предложений субъект языка обращается к самому себе, поэтому философия невозможна, в силу **того**, что она имеет дело не с **фактами**, а с условием смысла фактов. В действительности, живой язык, так же как и выраженная в нём мысль, опосредует герменевтическое отношение к миру

² Апель К.- О. Трансформация философии. Пер. с нем. / Перевод В.Куренной, Б.Скуратов, М.: «Логос», 2001, с.13

именно благодаря рефлексивному отношению к самому себе. Если бы существовала единая трансцендентальная универсальная лингвистическая **форма**, проявляющаяся в логической форме предложений, то субъекты давно могли бы формально изъясняться с её помощью и прийти к пониманию.

Таким образом, исследования в области конструктивной семантики «единственного» языка привели к двум, по сути дела, **противоречащим** положениям. С одной стороны, было очевидно, что не может существовать единственной логики единого языка. С другой **стороны**, оказалось, что обыденный язык является последним метаязыком, из которого заимствуются точки зрения и значения, именно поэтому можно говорить о *глубинном едином* языке. Тогда вопрос о смысле метафизических предложений следует прояснять не с помощью конвенций, а через герменевтическое выявление сущности *метафизики, сохранившейся в языке*. Сущность гносеологическая в наиболее развитом, предельном состоянии и есть смысл предмета, его опосредованная присвоенность сознанию.

Очевидно, что именно философия XX века выявляет социальный, intersubъективный характер этого опосредования. В требовании же освобождения языка науки от псевдопонятий проявляется сциентистский скепсис относительно неverifiedируемых философских универсалий, а также неопозитивистская идея о едином языке научного сообщества, в основании которой лежит стремление к установлению однозначности понятий, что, в конечном счёте, есть сущностная характеристика.

Intersubъективная значимость научных истин не равнозначна идее единства теоретической системы как основы всей человеческой жизни, которая лежала у истоков новоевропейской культуры. Трансцендентальные условия возможности науки не равнозначны кантовскому априоризму. Философский метод основан на установлении смысла при *коммуникативном синтезе* интерпретации, а не синтезе апперцепции.

Исходным принципом познания сущности материальной (физические объекты) и идеальной (социальных норм) является не кантовское противопоставление вещи и мира явлений и, следовательно, не предпосылка существования субъекта как границы явлений, а конкретное общество. Сущность мира, его структура разворачивается в языке, в понимании языка. Однако понимание — это способ бытия, а не подлинного познания. Intersubъективное взаимопонимание всегда присутствует в понимании, прагматически определяющем истолкование мира, но в какой-то момент наука приходит к необходимости во временном и частичном «отчуждении» объекта для возможности его объективного объяснения.

Философия XX века стремится избежать дихотомии субъект - объект, т.е. картезианской парадигмы в теории познания, в собственном смысле теории

сознания как самостоятельной реальной субъективности. Кантианский трансцендентальный синтез апперцепции как форма связи сознания заменяется на языковую форму связи, социальную по своей сути; эта (гегелевская по происхождению), концепция имеет антипсихологический характер и убедительно объясняет то, что в классической гносеологии принималось за способности сознания. Язык рассматривается как интерсубъективная система, социальная по определению, поэтому он не возможен как язык одного субъекта, откуда следует, что вне языка субъект невозможен. Трансцендентализм Гуссерля заключался в кантианской редукции познания к актам сознания, идеальным сущностям. Такая позиция не приемлема по двум причинам: ссылки на разум человека - это философское предпочтение субъективности, а философствование есть интерсубъективное мероприятие. Субъект формируется в его отношении к бытию и коммуникации.

Языковой знак имеет двоякую интенцию, познавательную (как носитель смысла) и коммуникативную (как транслятор значения). Полемика сторонников семантического и прагматического метода в философии XX века обусловлена диалектической взаимосвязью познания и коммуникации, тем, что язык, с одной стороны, семантически связан с объективно-реальным предметом, с другой стороны, служит формой выражения и транспортировки смысла в коммуникативной ситуации. Действительно, в словоупотреблении всегда можно обозначить различие между тем, которое подводит факты под конвенциональные понятия, и тем, которое используется для обозначения вещи. Однако в научном познании эти интенции тесно переплетены. Во-первых, это связано с тем, что учёный «имплицитно признаёт предпосылку неограниченного критического коммуникативного сообщества», поэтому он включён в правила языковой игры. Во-вторых, выход к объекту может быть совершён тогда, когда феномен понят в свете открывшегося в языке смысла.

Таким образом, перспектива развития научного метода заключается в применении прагматики языковых игр и понимания к аналитике смысла. Эти языковые игры отличаются от разработанного прежнего единого трансцендентального языка тем, что они мыслятся как всякий раз различные, но родственные друг другу конкретные единства словоупотребления, формы жизни и освоения мира.

Цель познания сущности социальных форм заключается в разрешении противоречия между предпониманием и пониманием смысла. При изучении инородного общества субъект испытывает необходимость в **остранении** собственной формы жизни посредством другой системы. Учитывая тот факт, что между социумами существует возможность исторического диалога, автор исследования приходит к выводу, что историческое понимание не сводится к полной зависимости содержания от существующей формы жизни. В целом

общества осуществляют конкретно-исторический диалог. Таким образом, очевидна диалектика социальной формы и содержания. Каждый социум в качестве субъекта познания открывает отдельные стороны объективной реальности, проецируя, таким образом, своё «видение» на предмет. Однако это отношение является лишь наброском, проекцией мира, обусловленным социально и исторически, лишь конкретной гранью познаваемой сущности, которая в конечном счёте едина. Соответственно, устойчивость, инвариантность определяется лишь в системе отношений, а цель познания заключается в объединении граней в единую структуру.

В этом пункте очевидна возможность опосредования кантовского априоризма и исторического материализма. Не трансцендентальный субъект как граница **вещи-в-себе** и явления является предпосылкой познания, а идеальные нормы, реализующиеся в конкретном обществе, являющемся *субъектом* познания.

Соответственно, классической психологической схеме образования смыслов противопоставляется рефлексия в рамках коммуникативного сообщества. Субъективность каждого члена выступает моментом языковой игры, она определяется интерсубъективностью, которая имеет не чувственный, а языковой характер. Таким образом, познание субъект-субстанции носит коллективный характер и обусловлено социальной деятельностью.

Познание не есть однонаправленный процесс (как мы это наблюдали в классической философии), выраженный в переходе от субъективного смысла к общественному договору, но взаимобратимый. Человек приобретает субъективность за счет развёртывания представлений, удвоения мира сначала только подручных вещей. Однако как член сообщества, углублённый в язык, рефлексирующий на уровне тех значений, которые употребляются в данном сообществе, он познаёт мир, расширяя сферу эмпирического и рационального опыта, используя последнюю в качестве основы для познания и означивая уже идеальные объекты. Познание сущности, таким образом, доводится до понятия обращения с вещью в процессе коммуникации.

Прагматика пытается измерить человеческое бытие с учётом факторов конкретного человеческого бытия (особое внимание этому вопросу уделялось во втором и третьем параграфах второй главы). В абстрактной модели познания (в локковской парадигме) мысль субъекта, вырванного из сплетения общественных связей, представленного вне коммуникативного сообщества, отношение сознания которого к предметной реальности понимается как отношение многократно повторённого индивидуального сознания ко всему, что находится вне его, будет обладать лишь потенциальным существованием. Такая позиция эмпирической психологии с неизбежностью приводит к невозможности познания сущности. Автор исследования согласен с

Хайдеггером, утверждавшим, что истина есть «**публичная истолкованность**». Человеческое сознание не едино изначально, оно становится тождественным себе в ходе диалектического развития бытия и мышления, через смысловые образования культуры и общества.

Цель естественных наук - познание физических сущностей, оно осуществляется посредством подведения опытных данных как частных случаев под общие законы. Цель обыденной коммуникации - нахождение единства значений, установление взаимопонимания и организация взаимодействия. Задача философского предприятия в понимании сущности социальных феноменов заключается в том, чтобы посредством герменевтического анализа расширить знания о правилах игры чуждых нам форм жизни, постигнуть их подлинным новым открыванием смысла. Понимание как социальный механизм открывает возможность дальнейшего продвижения познания от абстрактного к конкретному. Открывшееся в понимании **так-бытие** вещи включается в проект мира, обуславливая стиль жизни, поведение общественного субъекта, цели, когнитивные интенции. Сущность выражена в понятии в том случае, если в её *конкретном* определении заключено особое, если в нём зафиксировано не только то одинаковое, что имеется в отдельных видах этого рода, но исчерпывающее выражение специфики вида.

Таким образом, постижение сущности нужно рассматривать не просто как путь познания – этот процесс включает в себя движение социального бытия как объективной реальности.

В заключении подводятся краткие итоги диссертационного исследования, намечаются пути дальнейшего философского изучения проблемы сущности и социального познания.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях Э.Б. Миннуллиной (до брака Э.Б. Филимоновой):

1. Филимонова Э.Б. Значимость преподавания гуманитарных дисциплин в техническом **вузе**// Сборник тезисов докладов международного симпозиума по энергетике. - Казань: изд-во **Каз. гос. энергетич. ун-та**, с. 234
2. Филимонова Э.Б. Коммуникация как феномен культуры и **цивилизационный механизм**// Тезисы докладов международной конференции «Культура и цивилизация». - Екатеринбург, 2001, с. 178
3. Филимонова Э.Б. Знание как объект междисциплинарного **исследования**// Тезисы докладов 4-ой республиканской конференции молодых учёных и специалистов. - Казань: изд-во «Мастер **Лайн**», 2002, с. 252
4. Филимонова Э.Б. Философская антропология как традиция философии **жизни**// Материалы межвузовской научной конференции «Философская **антропология**». - Казань: изд-во «Менеджмент» Каз. гос. ун-та, 2001, с.89-90

5. Филимонова Э.Б. Сущность объекта как цель социального **познания**// Сборник тезисов итоговой конференции республиканского конкурса научных работ среди студентов и аспирантов на соискание премии им. Н.И. Лобачевского. - Казань: лаборатория оперативной полиграфии **Каз. гос. ун-та, 2002, с.152-154**
6. **Миннуллина Э.Б.** Проблемы исследования языка в социальном **контексте**// Тезисы докладов международной конференции по лингвистике. - Казань: лаборатория оперативной полиграфии Каз. гос. ун-та, 2002 - в печати
7. Миннуллина Э.Б. Соотношение представления и понятия в вопросе о **сущности**// Тезисы **III-го** всероссийского симпозиума по философии. - Ростов-на-Дону, 2002
8. Миннуллина Э.Б. Язык в контексте социума / Тайсина Э.А., Бусыгина О.В., Белошапкина Н.Н., Миннуллина Э.Б.//Язык, документ, коммуникация в контексте политической науки. Колл. Монография. - Казань: изд-во Каз. гос. энергетич. ун-та - в печати
9. Миннуллина Э.Б. Проблемы обоснования этики в век **науки**// Тезисы **IX-ой** международной конференции «Технология внедрения гуманистических традиций в учебно-воспитательный процесс преподавания». - Казань: Лаборатория офсетной печати Каз. гос. **педагог. ун-та, 2002, с. 30**
10. Миннуллина Э.Б. Методическое обеспечение образовательных программ по специальности «Связи с **общественностью**»// Материалы докладов международной научно-методической конференции «Повышение качества методического обеспечения процесса подготовки **специалистов**». - Казань, изд-во Каз. гос. энергетич. ун-та, 2002, **с.90-91**
11. Миннуллина Э.Б. Основы теории коммуникации / Миннуллина Э.Б. Тайсина **Э.А.**// Основы теории коммуникации с элементами семиотики. Учебное пособие. - Казань: изд-во Каз. гос. энергетич. ун-та - в печати